

ГРОДНЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ по воскресеньямъ.

Адресъ Редакціи:
Купеческая ул., Соборный домъ.
Годовая цѣна 5 рублей.

При напечатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки, взимается: за одинъ разъ 10 к. за два—15 к. за три—20 к.

Годъ IV-й.

7-го марта 1904 года.

№ 10.

ОТДѢЛЪ I ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, согласно съ заключеніемъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, Всемилостивѣйше соизволилъ къ 6 числу декабря 1903 г. пожаловать серебряными медалями за заслуги по духовному вѣдомству: для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ церковнаго старосту Дойлидской церкви, Вѣльскаго уѣзда, крестьянина Михаила *Морозовича*; для ношенія на груди на Александровской лентѣ—учителя школы грамоты въ околицѣ Эйсмонта, Гродненскаго уѣзда, Адольфа *Турчиновича* и на Аннинской лентѣ—старосту церкви села Стрѣльны, Кобринскаго у., крестьянина *Феодосія Грицука*.

Дѣйствія Правительства.

Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 26 февраля за № 1902, настоятель Слонимскаго Спасо-Преображенскаго собора протоіерей *Василій Ст-машко* **назначенъ** законоучителемъ Минскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства и священникомъ училищной церкви.

Распоряженіемъ г. Попечителя Виленскаго учебнаго округа уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ Слонимскаго уѣзда, священникъ *Георгій Спасскій* съ 26 февраля **назначенъ** законоучителемъ Поневѣжской учительской семинаріи, съ порученіемъ ему преподаванія Закона Божія и въ Поневѣжскомъ реальномъ училищѣ.

Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.

Резолюціями Его Преосвященства:

— Отъ 20 февраля за № 834, **утверждены въ должности церковныхъ старостъ** къ церквамъ: Городокской—крестьянинъ *Василій Мелешко*, Гудевичской—кр. *Максимъ Шульга*, Гольневской—кр. *Феодосій Римарчикъ*, Вѣнецкой—кр. *Иванъ Каплунъ*, Дрогичинской—*Максимъ Шкопець*, Блуденской—кр. *Адамъ Борушно*, Березской—кр. *Михаилъ Познякъ* и Боркинской—крестьян. *Іаковъ Василевичъ*.

— Отъ 27 февраля за № 924, псаломщикъ Новоельнянской церкви, Слонимскаго у., *Михаилъ Скромновъ* **перемѣщенъ** къ Ружанской церкви того-же уѣзда.

— Отъ 28 февраля за № 943, заштатному псаломщику *Николаю Дегожскому* **предоставлено мѣсто** псаломщика при Лясковичской церкви, Кобринскаго уѣзда.

— Отъ 2 марта за № 984, быв. псаломщику *Дмитрію Пучковскому* **предоставлено мѣсто** псаломщика при Новоельнянской церкви, Слонимскаго уѣзда.

— Отъ 4 марта за № 1047, бывшему псаломщику Плакиду *Демьяновичу* предоставлено мѣсто псаломщика при Грушевской церкви, Кобринскаго уѣзда.

— Отъ 4 марта за № 1051, заштатному священнику Адаму *Андрушкевичу* предоставлено священническое мѣсто при Верстокской церкви, Брестскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Грушевской церкви, Кобринскаго уѣзда, Юльянъ *Ольховскій*, директоромъ народныхъ училищъ назначенъ учителемъ Мотыкальскаго народнаго училища съ 21 февраля сего года.

Вакантныя мѣста.

Уѣзднаго наблюдателя церковныхъ школъ Слонимскаго уѣзда (1).

Священниковъ: въ с. Люшневъ, Слонимскаго у. (6), въ с. Изабелинъ, Волковыскаго у. (3), въ м. Новомъ-Дворѣ, Волковыскаго уѣзда (2) и въ г. Слонимѣ—при соборѣ (1).

Протодіакона при Гродненскомъ Каѳедр. соборѣ (12).

Діакона при Слонимскомъ соборѣ (1).

Иподіакона при Гродн. Каѳедральномъ соборѣ (4).

ОТДѢЛЪ П НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ХРОНИКА.

— 28 февраля Всенощное бдѣніе и 29 февраля Божественную литургію Его Преосвященство совершилъ въ Каѳедральномъ соборѣ, въ сослуженіи соборнаго духовенства.

Въ воскресенье, въ 5^{1/2} час. вечера, Его Преосвященство совершилъ 2-ю пассію. Поученіе произнесено о. С. Ивацевичемъ.

ОБОЗРѢНІЕ ЦЕРКВЕЙ

Преосвященнымъ Никаноромъ

въ февраль 1904 года.

ПОЛЬЗУЯСЬ послѣдними днями долгой зимы сего года, Преосвященный Никаноръ обозрѣлъ ближайшія къ Гродно церкви и школы.

Послѣ надлежащаго увѣдомленія разныхъ должностныхъ лицъ, онъ выѣхалъ около 11 часовъ утра изъ города 23 февраля, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ. Ему предшествовалъ г. уѣздный исправникъ и сопровождали о. экономъ и казначей. На перевозѣ онъ былъ встрѣченъ о. благочиннымъ и приставомъ.

Прежде всего была посѣщена Свято-Владимірская занѣманская церковь, гдѣ во вратахъ ограды Преосвя-

щенный былъ встрѣченъ хлѣбомъ-солью, поднесенными г. старостою. Множество народа стояло съ возженными свѣчами, образуя двѣ линіи, среди коихъ шествовалъ Владыка въ церковь, при пѣніи мѣстнаго ученическаго хора.

Послѣ обычной литіи, Владыка сказалъ поученіе о сродствѣ человѣческомъ, при чемъ главнымъ текстомъ былъ тотъ, что Господь отъ единыя крови произвелъ весь родъ человѣческой, который, разсѣлившись по разнымъ странамъ—различно долженъ былъ искать и приходить къ Богу. Различіе это отчасти остается и доселѣ. Однако насельники этихъ мѣстъ болѣе или менѣе ясно понимаютъ, что они всѣ получали бытіе свое отъ единого Бога, которому и должны всѣ служить. Но памятуя единство происхождения человѣчества, всѣ должны имѣть взаимную любовь о Господѣ. Въ древніе годы жители этихъ мѣстъ были просвѣщены св. Православною вѣрою, насажденною на Руси св. Равноапостольнымъ Княземъ Владиміромъ, памяти котораго посвященъ этотъ св. храмъ.

Много лѣтъ потомъ православные христіане боролись и страдали за вѣру отъ несправедливыхъ нападковъ иновѣрцевъ. И вотъ судьбами Божиими святое сѣмя православія сохранилось здѣсь до нынѣ и сіяетъ столь явственно въ этихъ священныхъ свѣтильникахъ, наипаче же въ душахъ и сердцахъ вашихъ, единими усты и единими сердцемъ славящихъ Бога. И впредь должно твердо стоять въ этой вѣрѣ и благочестіи, держась вмѣстѣ съ тѣмъ и единенія любви со всѣми, окружающими васъ.

Язычники вѣрили во многихъ боговъ, которые мнили враждующими между собою по разнымъ причинамъ. По сему многобожники враждовали и между собою и даже питали ненависть къ людямъ другихъ вѣрованій. Какъ бы язычеству этую враждою жили и многіе современные Господу Іисусу Христу. Вразумляя ихъ и научая христіанъ, Іисусъ Христосъ

говорилъ: язычники любящихъ ихъ любятъ, а вы любите враговъ вашихъ, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за тѣхъ, которые нападаютъ на васъ, что бы быть вамъ поистинѣ сынами Вышняго, который сіяетъ солнцемъ Своимъ на добрыхъ и злыхъ и посылаетъ благотворный дождь на праведниковъ и неправедниковъ.

Такимъ образомъ—вотъ гдѣ наивысшее побужденіе любить враговъ, а именно въ томъ, что всѣ мы сотворены Богомъ и притомъ, какъ возрожденные Христомъ, обязаны жить по образу и подобію Божію. Онъ благъ и многомилостивъ. И мы должны быть любвеобильны, по подобію Іисуса Христа, и долготерпѣливы, не уподобляясь многобожникамъ во враждѣ и злобѣ, но помня многострадальныхъ мучениковъ, чтобы никакая злоба, ни огонь, ни вода, ни голодъ, ни довольство, ни честь, ни слава, ничто, ничто не могло отвлечь отъ любви Божіей, и вѣры по руководству св. Православной Церкви и уставамъ святымъ.

Во время благословенія Преосвященнымъ народа, хоръ пропѣлъ нѣсколько церковныхъ пѣсней и потомъ съ пѣніемъ провожалъ Владыку въ школу. Въ школѣ Преосвященный спрашивалъ по нѣскольку человѣкъ въ каждомъ отдѣленіи и кажется всѣми остался доволенъ, но только неоднократно внушалъ читать громче.

Въ квартирѣ священника были осматриваемы Владыкою всѣ церковные документы, причемъ о благочинному сдѣланы были нѣкоторыя указанія, а равно и мѣстному священнику.

Похваляя церковь и школу, а равно и квартиры причта, Владыка называлъ ихъ почти идеальными, по удобству и расположенію.

При отъѣздѣ Преосвященный надѣлилъ учителя-діакона нѣсколькими своими книжками для раздачи лучшимъ ученикамъ и ученицамъ.

Около 3 часовъ дня Владыка подѣхалъ къ церкви Новодворской. У входа церковнаго его встрѣ-

тили: г.г. Сокольскій предводитель дворянства, земскій начальникъ, инспекторъ школъ, мѣстный исправникъ и др. Почтенный старецъ церковный староста поднесъ ему хлѣбъ-соль со словами привѣта. И здѣсь многіе встрѣтили Владыку со свѣчами. Пѣль хоръ, составленный изъ учениковъ многихъ окрестныхъ школъ.

Послѣ обычной литіи, Преосвященный сказалъ поученіе о Православіи, опредѣливши оное, какъ правильное служеніе Богу. Характеризуя Православіе, Владыка упомянулъ о великолѣпнѣи украшеній и величій устроенія Православныхъ храмовъ и пожелалъ, чтобы Новодворскій храмъ славился теплотою молитвы, истинно славящихъ въ немъ Бога, а вмѣстѣ и внѣшнею теплотою, которая столь необходима въ особенности дѣтямъ и старцамъ, особенно нуждающимся въ укрѣпленіяхъ и утѣшеніяхъ вѣры.

Прямо изъ храма Владыка отправился въ народное училище, въ которое собрались ученики и приходского училища. Послѣ пѣнія „Спаси, Господи, люди Твоя“, Владыка испытывалъ учениковъ трехъ отдѣленій, при чемъ неоднократно внушалъ учителю, чтобы онъ научалъ учениковъ правильно произносить молитвенныя слова, въ особенности такія, какъ Императоръ.

По выходѣ изъ школы, Владыку встрѣтили дружнымъ хоромъ учителя и ученики школъ грамоты, которымъ были розданы Преосвященнымъ разныя книжицы, которыми онъ снабдилъ сопутствовавшихъ ему.

Подкрѣпившись пищею, Владыка осматривалъ церковные документы. Всѣ они были найдены въ порядкѣ. Было замѣчено, что очень мало денегъ, но староста заявилъ, что на устроеніе церкви собирается сумма особливо.

Въ селѣ Ячнѣ—встрѣча была обычная. Слово привѣтственное Владыка сказалъ краткое, съ призваніемъ Божія благословенія на всѣхъ и вся. Церковь

села Ячны приписная къ Красностокскому монастырю. Поэтому здѣсь документы не осматривались. Да и священникъ не приглашалъ къ себѣ. Посему Владыка скоро отбылъ изъ с. Ячнаго. Однако, мѣстная школа была посѣщена, гдѣ все найдено въ порядкѣ, особенно же хорошо поставлено пѣніе.

Путь изъ с. Ячнаго въ Красностокскій монастырь очень краткій. Весь монастырь виденъ отсюда ясно, въ особенности же его величественный храмъ. Но Владыку повезли кружнымъ путемъ, который значительно удаляется отъ монастыря и потомъ поворачивается прямо къ фасаду храма. Очевидно, что это былъ польскій путь къ доминиканскому монастырю давнихъ лѣтъ. А такъ какъ теперь этотъ монастырь русскій, то и путь къ нему долженъ быть иной, а именно прямой изъ с. Ячнаго.

Встрѣча Преосвященнаго въ монастырѣ была самая торжественная. Пѣло два хора—монастырскій и второклассной школы, находящейся въ немъ. Свѣтильниковъ братскихъ было безчисленное множество. По гулкимъ и просторнымъ корридорамъ процессія прошла въ храмъ зимній. Онъ очень невеликъ, но вмѣстителенъ, такъ какъ соприкасается съ обширною столовою.

Послѣ обычной литіи, Владыка сказалъ поученіе на текстъ: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“. Онъ, между прочимъ, говорилъ, что эта обитель, такъ свѣтло встрѣтившая его, отличается вообще просвѣтительнымъ направлениемъ, которое здѣсь столь дорого, какъ по недостаточности духовнаго свѣта вообще, такъ и въ особенности потому, что западъ, воспринимая закатъ солнца, шлетъ разныя нежеланныя вліянія тьмы, хотя и не столь губительной, какъ прежде, однако смущающей совѣсть многихъ колеблющихся въ вѣрѣ и упованіяхъ. Послѣ того Владыка прикладывался къ святынямъ храма и благословлялъ всѣхъ, при дивномъ пѣніи попеременныхъ хоровъ, пропѣвшихъ троекратно: „Спаси Господи, люди Твоя“

и др. Рано утромъ Владыка осматривалъ соборъ, дивился его величію и ужасался, взирая на потаенные ходы, устроенные въ величественныхъ столпахъ храма и его подземельяхъ. Въ ризницѣ Преосвященный умилялся множествомъ дивныхъ облачений, изъ которыхъ особенно выдѣлялись ризы работы Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Говорятъ, что матерія этихъ ризъ была подарена турецкимъ султаномъ. Особенно чудна здѣсь вышивка оплечья золотомъ по бархату, отличная по рисунку и правильной точности его исполненія.

Въ библиотекѣ монастыря Преосвященный нашель много интересныхъ книгъ, изъ коихъ особенно заинтересовала его: „Собраніе припадковъ“ (казусовъ), краткое и духовнымъ особамъ потребное, имущее въ себѣ науку о Сакраментѣхъ, с св. Божіихъ приказаняхъ... Тако же науку, како подобаетъ наставляти малыхъ, или невѣжовъ, въ вѣрѣ Православной... Типомъ же монастыря Супраслскаго. Року 1776кк января 11 дня Изданное.

На оборотѣ заглавнаго листа напечатано: Леонъ Кишка Божьяго и святого Апостольскаго ѡрону милостию Архіепископъ Митрополита Киевскій, Галицкій и всея Россіи, Епископъ Володимірскій и Берестейскій, Кіево-Печарскій и Супраслскій Архимандрита. Понеже святой соборъ Замойскій единому токмо монастырю. Супраслскому повелѣ и изволи изданіе тѣпомъ, сего ради да никтоже въ свойственной си типографіи дерзнетъ нынѣшня сея книги, падежей совѣсти, катехизму и Лексикону тѣпомъ изображати, подъ виною клятвы и утратою сицевыхъ книгъ, возбраняемъ и за вѣщаемъ. Писанъ въ Супраслю дня 6 м-ца генваря 1776кк. Леонъ Митрополита, рукою властною. Эта престарая книга сохранилась отлично, ибо она переплетена въ кожу, а корешокъ вторично сдѣланъ кожанный.

Здѣсь все интересно, все имѣетъ много-различное научное значеніе, въ особенности же словарь славяно-русскій, въ нарѣчій бѣлорусскомъ. Въ словарѣ

недостаетъ только одного или двухъ листовъ (последнія слова: чинъ, чиннѣ). Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить дивное совпаденіе. Въ 1722 году предъявлялось священно-служителямъ минимальное требованіе—знаніе ученія о таинствахъ. И нынѣ Преосвященнымъ Никаноромъ предъявляется это минимальное требованіе отъ кандидатовъ іерейства, но вотъ бѣда: они не могутъ отыскать такого *комплектнаго* изданія, какъ „Собраніе припадковъ“, изданное для униатскихъ кандидатовъ іерейства.

Во время совершенія литургія Преосвященный находился въ алтарѣ, умиляясь прекраснымъ пѣніемъ и чтеніемъ особенно Паремій. Послѣ литургіи онъ читалъ акаѳистъ Божіей Матери вмѣстѣ съ тремя монастырскими священниками и о. благочиннымъ. Въ прощальномъ своемъ словѣ онъ говорилъ о блаженствѣ пустыннаго житія, съ божественнымъ воскресленіемъ духа въ молитвахъ и умиленіемъ отъ всей дивной природы, особенно ясно открывающейся въ безмолвіи пустыни и чудномъ свѣтѣ, не заслоняемомъ мрачными зданіями шумныхъ городовъ.

Потомъ Владыка посѣтилъ второклассную школу и находящуюся при ней образцовую школу. Вездѣ оказался порядокъ образцовый, что и отмѣтилъ Преосвященный, написавши въ книгѣ для посѣтителей: „былъ и радовался торжеству Православія“. Ученики всѣхъ классовъ отвѣчали очень хорошо, но что особенно умиляло всѣхъ—это торжественное пѣніе разнообразныхъ кантовъ. Въ заключеніе было пропѣто „Боже, Царя храни“. Благословляя всѣхъ, Владыка вседушевно благодарилъ всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, въ особенности же игуменію Елену, которой онъ провозгласилъ „многая лѣта“, пропѣтое съ особеннымъ воодушевленіемъ. Видно, что воспитанницы очень любятъ м. игуменію. Малыя дѣти-приютянки приходятъ въ радость отъ одного ея взгляда. А она и ласкаетъ ихъ, какъ родныхъ. Кромѣ любви къ дѣтямъ, замѣтно въ м. игуменіи и умѣнье сдѣлать изъ малаго многое.

Солидный корпусъ оказался недостаточнымъ для размѣщенія кроватей. И что же? Она придумала такое размѣщеніе, какое бываетъ на корабляхъ, т. е. двухъ-ярусныя помѣщенія. И такъ какъ вентиляція совершается наилучшая, то и воздухъ въ помѣщеніяхъ вполне хорошій. Изъ множества посѣтителей школы кто-то замѣтилъ, что это своего рода женскій университетъ.

Да, великая благодарность должна быть восписуема тому, кто развалины этого монастыря привелъ въ такой свѣтлый видъ и наполнилъ такими духовными работницами.

Въ с. Сидерки Преосвященный прибылъ еще за свѣтло, обозрѣвши на пути Гребеневскую школу, поразившую всѣхъ богогласнымъ пѣніемъ. Сидерковская школа не отличилась въ этомъ отношеніи, но ей очевидно предстоитъ свѣтлое будущее, ибо она помѣщается въ отличномъ зданіи, имѣетъ усердную попечительницу и солиднаго завѣдующаго. Нужно только, чтобы и прочіе труженики этой школы относились къ дѣлу усердно. Въ обширномъ Сидерковскомъ храмѣ Владыка сказалъ поученіе о вѣчномъ союзѣ съ Христомъ и необходимости обучать вѣрѣ дѣтей и пребывать въ ней твердо. Во время благословенія народа здѣсь былъ совершенъ молебенъ Спасителю. Гостепріимный помѣщикъ задержалъ путниковъ на часъ, но все же поѣздъ ихъ прибылъ въ городъ тогда, когда еще не смолкли звуки шума городского и въ домахъ еще не водворилась тишина.

О пастырской совѣсти.

О ВѢСТІЮ называется способность внутреннего опредѣленія соотвѣтствія или несоотвѣтствія нашихъ поступковъ съ нравственнымъ закономъ. Такое опредѣленіе ея, будучи вполне правильнымъ, если данную моральную силу разсматривать въ тѣсномъ смыслѣ и ограниченномъ обнаруженіи, оказывается, очевидно, узкимъ въ томъ случаѣ, когда словомъ «совѣсть» хотятъ обозначить ту область нравственной жизни, въ которой между другими явленіями находимъ и способность опредѣленія качества поступковъ. Понимаемая въ этомъ широкомъ смыслѣ, совѣсть, включая въ содержаніе своего понятія и морально судящую силу, будетъ опредѣляться уже, какъ цѣльная нравственная настроенность человѣка. Въ такомъ случаѣ можно будетъ говорить о пастырской совѣсти, какъ таковой, ибо, не различаясь, какъ способность нравственнаго сужденія у пастыря и всякаго христіанина, она, однако, какъ нравственная настроенность, характеризуется въ пастырѣ и такими свойствами, которыя можно назвать специфически пастырскими, и такими чертами, которыя, хотя и являются чертами всякой совѣсти, но исключительно—по силѣ и направленію—развитыми въ пастырѣ. Отсюда вытекаетъ, что ученіе о пастырской совѣсти имѣетъ несомнѣнные права на свое самостоятельное существованіе.

Въ своей основѣ это ученіе не можетъ не имѣть понятія о пастырскомъ служеніи и развивается изъ этого естественнаго основанія. Пастырство есть служеніе совершаемаго благодатию Божіею нравственнаго возрожденія людей,— таково самое общее опредѣленіе пастырскаго служенія, но, будучи вообще дѣятельностью (подвигомъ), съ субъективной стороны оно является цѣльной настроенностью пастыря и, слѣдовательно, отождествляется съ пастырской совѣстью. Пастырская совѣсть и пастырское служеніе въ извѣстномъ смыслѣ—синонимы, и говорить о пастырской совѣсти, значитъ развивать ученіе о пастырскомъ служеніи съ его субъективной стороны.

Когда затрогивается вопросъ о пастырскомъ служеніи, нельзя не выходить въ своемъ разсужденіи изъ тѣхъ словъ Пастыреначальника, которыми Онъ опредѣлилъ для своихъ учениковъ только что народившійся подвигъ пастырства,—«какъ послалъ Меня Отець, такъ и Я посылаю васъ». Было бы недостаточно понимать эти слова въ смыслѣ утвержденія преемственного отношенія церковнаго пастырства къ Спасителю. Значеніе ихъ въ томъ, что ими опредѣляется сущность пастырскаго служенія, какъ дѣла Христова, дѣла возрожденія людей; съ другой стороны, въ нихъ указывается та сторона пастырства, съ которой оно является даромъ благодати и проявленіемъ божественныхъ полномочій. Ясно, такимъ образомъ, что личность пастыря,—продолжателя дѣла Христова, со всеѣмъ содержаніемъ своимъ не можетъ быть мыслима внѣ реального единства ея со Христомъ, и основной чертой настроенія пастыря является его проникновеніе и наполненность Христомъ. Въ идеальномъ пастырѣ наблюдается такой складъ душевной жизни, въ которомъ организующимъ и объединяющимъ началомъ элементовъ ея является духъ Христовъ, Его жизни, Его ученія: и въ области мотивовъ, опредѣляющихъ такъ называемое призваніе, и въ сферѣ дѣятельности, и въ ряду цѣлей стоитъ одинъ Христосъ, усвояемый сердцемъ, проникающій все движенія души. «Я буду исполняться Христомъ», говорилъ св. Василій Великій,—въ этомъ именно проникновеніи Христомъ—основа пастырскаго настроенія. Какъ таковое, оно не рождается чѣмъ-нибудь земнымъ, по словамъ св. Иоанна Златоустаго, но исходитъ свыше и дается въ таинствѣ священства; оно даръ благодати, ассимилируемый, такъ сказать, душею, какъ собственное достояніе. Пастырь глубоко знаетъ, что онъ не одинокъ въ своемъ подвигѣ: онъ соединенъ съ Пастыреначальникомъ даромъ Его благодати, переживаніемъ Его жизни, усвоеніемъ Его дѣла; онъ одинъ изъ многочисленныхъ воиновъ Христова воинства. Когда сердечная молитва уноситъ его въ горній міръ, для него эта приобщенность къ всеобъемлющему единству стано-

вится фактомъ несокрушимой силы. Съ другой стороны, когда онъ обращается къ своей паствѣ, онъ чувствуетъ тоже духовное родство и единство каждаго съ собою; когда предъ нимъ развертывается картина міровой жизни и исторіи, онъ проясненнымъ взоромъ видитъ въ ней тотъ же единый процессъ осуществленія добра и единства; пусть здѣсь борьба, пусть уклоненія, всё они представляются только моментами единого процесса и не въ состояніи поколебать его религіозно-нравственнаго міросозерцанія. Такой строй духовной жизни создаетъ въ пастырѣ въ высшей степени устойчивую и опредѣленную нравственную личность. Такимъ образомъ, пастырская совѣсть вообще есть жизнь во Христѣ, или, частнѣе, переживаніе Его жизни, общеніе съ жизнью Церкви и усвоеніе соотвѣтствующаго нравственнаго міровоззрѣнія.

Не отличаясь, повидимому, съ этой стороны отъ идеальной настроенности всякаго христіанина, пастырская совѣсть имѣетъ свою особенность въ томъ, что въ то время, какъ первая усваиваетъ себѣ жизнь во Христѣ, какъ Спасителѣ и Освятителѣ, вторая имѣетъ своимъ центромъ отношеніе къ Нему, какъ Пастыреначальнику и усваиваетъ Его жизнь, какъ пастырство и дѣло возрожденія людей. Отсюда пастырь, такъ сказать, ближе ко Христу, какъ соратникъ въ Его дѣлѣ, какъ освященный особенными дарами Его благодати; въ то же время и Божественный Образъ Спасителя имѣетъ для пастыря не только ббльшую опредѣленность, но и нѣсколько новыхъ чертъ.

Если, такимъ образомъ, пастырь есть служитель возрожденія другихъ, то его настроенность должна характеризоваться новыми чертами въ зависимости отъ самаго понятія служенія, какъ распространенія личной жизни на жизнь другихъ. Если справедливо, что всякая дѣятельность есть до извѣстной степени самопожертваніе, въ смыслѣ ограниченія личной жизни, то это положеніе въ примѣненіи къ пастырству справедливѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Мы сказали, что оно есть жизнь во Христѣ, и, слѣдовательно, формулой сознанія такой жизни

являются слова апостола: «я знаю, что живетъ во мнѣ Христось, и моя плотская жизнь есть жизнь для Него, возлюбившаго меня и предавшаго Себя за меня»; съ другой стороны, поскольку оно распространяется на людей, оно характеризуется всеобъемлющимъ, пламеннымъ стремленіемъ, «да смерть дѣйствуетъ въ пастырѣ, а жизнь—въ пасомыхъ». Такимъ образомъ, пастырская совѣсть чужда того индивидуализма, который въ большей или меньшей степени всегда свойствененъ людямъ. Подобно матери онъ отождествляетъ свою жизнь и интересы съ жизнью и интересами своихъ пасомыхъ. И точно такъ же, какъ отъ такого отождествленія у матери не теряется все то, что составляетъ ея индивидуальность, точно такъ же у пастыря достигаетъ высшей интенсивности чувство жизни: онъ сохраняетъ наивысшую полноту личности, будучи не единокоренъ только, не единомысленъ, но единосущенъ съ своей паствою, и сохраняетъ ее, именно благодаря такому единокорію. Такъ молился Христось: «да вси едино будутъ, яко же Ты, Отче, во мнѣ и Азь въ Тебѣ». Это—нравственное отождествленіе себя съ людьми, въ которомъ самоотверженный духъ живетъ возможной для него полнотою жизни и относительно котораго внутренній опытъ свидѣтельствуетъ, что въ немъ—истина (жизнь). «Кто пребываетъ во Мнѣ, говорилъ Господь, въ томъ—Я». Одною этого пребыванія было бы слишкомъ достаточно для того, чтобы расширить отъ природы узкое сердце и вдохнуть въ существо чловѣка истинную жизнь, но пастыръ пріобрѣтаетъ и практическое, неисчерпаемо богатое содержаніе въ отождествленіи себя съ совѣстью паствы. «Мы нищи, говоритъ апостоль, но многихъ обогащаемъ; мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ... Уста наши отверсты, сердце расширено, вамъ не тѣсно въ насъ (II Кор., VI, 11); вы въ сердцахъ нашихъ, чтобы вмѣстѣ умереть и жить (VII, 3)»... Итакъ, слѣдующей чертой пастырской совѣсти является ея всеобъемлемость, пріобрѣтаемая чрезъ самоотреченіе и расширеніе личной жизни пастыря до отождествленія ея съ жизнями пасомыхъ.

Но ни самоотреченіе, ни отождествленіе не опредѣляютъ еще пастырской совѣсти по существу: одно, какъ понятіе отрицательное, другое, — какъ формальное. Въ чемъ же реальность пастырской совѣсти. «Богъ свидѣтель, пишетъ ап. Павелъ филиппійцамъ, что я люблю васъ всѣхъ любовію Іисуса Христа», — въ такой любви — сила самоограниченія, возможность отождествленія и сущность пастырской совѣсти. Пасомые заключены въ сердца пастыря, и это сердце бьется уже только для нихъ; оно страдаетъ ихъ муками и радуется ихъ радостями живетъ, согрѣваетъ и раститъ ихъ своею теплотою, какъ кормилица своего питомца (I Тесс. II, 8). «Мы восхотѣли передать вамъ свои души», говоритъ ап. Павелъ солунянамъ; «я отдаю свои силы, свою жизнь, говоритъ совѣсть пастыря, я несу всѣ свои скорби, заботы и радости, я складываю всѣ мечты свои въ одно пламенное стремленіе — вселить Христа въ сердца своихъ чадъ, расширить ихъ такъ, чтобы въ нихъ не было тѣсно»... И вліяніе любви не знаетъ предѣловъ своего могущества, — не одинъ Закхей прозрѣвалъ темною душею въ минуты любовнаго снисхожденія къ нему. Конечно, любовь, если она активна и способна совершить перерожденіе, имѣетъ свой опредѣленный путь, путь снисхожденія и усвоенія совѣсти ближняго со всѣми ея немощами, скорбями и тревогами. Тотъ путь любовь часто открываетъ сама, какъ естественный для нея, и тогда — нѣтъ такого затаеннаго стона страданія, котораго не услышала бы пастырская совѣсть, и который не отозвался бы въ ней мучительнымъ воплемъ; нѣтъ движенія, которое прошло бы незамѣченнымъ, неощущеннымъ ею, — она чутка и отзывчива на всѣ движенія чужого сердца... Когда грѣшникъ блуждаетъ въ потемкахъ души, мучаясь ихъ безвыходностью, она умѣетъ сойти въ его мракъ и силой любви зажечь тамъ свѣтъ Христовъ, и сдѣлаетъ это она только потому, что сама перенеслась на время въ эти потемки и ощутила, какъ свой, тотъ ужасъ, который охватывалъ грѣшника; она сошла со свѣточемъ ея усвоеннаго Христа и имъ освѣтила темную душу. Когда предъ нею разверты-

ваются страданія жизни, она найдетъ утѣшеніе, чувствуя ихъ какъ свои; когда она соприкасается съ индифферентной, холодной душой, она воспламенитъ въ ней искру добра, такъ какъ переживая состояніе ея, она сумѣетъ найти эту искру тамъ, подъ наслоеніями міра, и силою любви разбить грѣховныя покровы; когда предъ нею разыгрывается душевная драма борьбы съ искушеніями, она сумѣетъ войти въ нее союзникомъ добра и открыть путь къ побѣдѣ... Снисхожденіе пастыря не будетъ грубымъ прикосновеніемъ къ свѣжей ранѣ души,—сострадающая любовь сдѣлаетъ его такимъ же мягкимъ, облегчающимъ, хотя и не безъ страданій, какимъ бываетъ перевязка раны заботливой, нѣжной рукой. «Кто изнемогаетъ, спрашиваетъ апостоль, съ кѣмъ бы я не измогалъ? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? (II Кор., II. 29). Я всемъ поработилъ себя, чтобы спасти хоть нѣкоторыхъ.. Для всѣхъ я былъ всемъ»... Для пастыря нѣтъ нужды стремиться выработать изъ себя человѣка податливаго, эластичнаго, легко приспособляющагося ко всякому положенію. Много, конечно, страданій выпадаетъ на долю пастырской совѣсти,—такъ много, какъ много любви въ ней и какъ много зла въ людяхъ, и самая любовь ея—любовь не только сострадающая, но и распинаемая, но и страдающая подъ тяжестью грѣховъ своихъ чадъ. Это—чаша, о которой спрашивалъ Господь учениковъ своихъ, чаша, испитая Имъ, взявшимъ на себя людскія немощи (Мѡ. VIII, 17) и оставленная въ наслѣдіе своимъ преемникамъ-пастырямъ. «Я одинъ не могу нести народа сего, молился Моисей, умертви меня, если я достоинъ Твоей милости, чтобы мнѣ не видѣть моихъ страданій» (Числ. 11, 14, 15),—къ такому состоянію великаго духомъ вождя евреевъ приближается часто и пастырская совѣсть. Апостоль, наставляя ученика-пастыря, пишетъ ему: «сострадай благовѣствованію Христа»,—такъ необходимъ спутникъ пастырскаго служенія, какъ и всякаго добра—страданіе. Съ замѣчательной силой и потрясающей поэтичностью выразилось такое страданіе пастырскаго духа у пророка Іереміи: «Почто

не убить мене, восклицаетъ онъ, въ ложеснахъ матере, и была бы мнѣ мати моя — гробъ мой и ложесна зачатія вѣчнаго... Вскую изыдохъ изъ ложеснъ, да вижду труды и болѣзни?... (17—18). И рекохъ: не вспомяну имене Господня, ниже возглаголю къ тому во имя Его. И бысть въ сердца моемъ, яко огонь горящъ, палящъ въ костѣхъ моихъ, и разслабѣхъ отъсюду и не могу носити» (ст. 9, 20 гл.). Такъ выражаетъ свои страданія великій пророкъ. Знаменательно, что въ нашей поэзи мы находимъ сродные звуки, въ которыхъ вылилось то же скорбное убѣжденіе, очевидно, имѣвшее жизненное основаніе, въ неразлучности добра и страданія, нравственно-просвѣтительнаго подвига и людской ненависти:

«Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ сердцахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученье,—
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменя»...

Можно весьма удачно примѣнить эти слова поэта къ дѣятельности пастыря,—и чтеніе сердець, и проповѣдь любви, и бѣшенная ненависть людей,—все это—черты пастырства, но существенная разница въ томъ, что лермонтовскій пророкъ «посыпалъ пепломъ главу и убѣждалъ въ пустыню», а христіанскій пастырь среди страданій своего подвига носить «огнь горящъ» «въ сердца своемъ», онъ любить людей и не можетъ оставаться непоколебимымъ постороннимъ зрителемъ ихъ борьбы, паденій и возстаній; онъ не негодуетъ, но страдаетъ за нихъ и идетъ на свой плодотворный, свободный подвигъ не въ пустыню, а въ среду тѣхъ же, причиняющихъ ему страданіе, людей. И какими жалкими кажутся предъ этимъ пастыремъ, предъ его страданіемъ и любовію, тѣ соработники его, которые подняли на себя пастырство и несутъ его не волею, но по нуждѣ, которыхъ привела къ нему инерція жизни и традиціи, которые такъ часто болѣзную только

о своемъ спокойствіи. Слепые вожди, они не умѣли прозрѣть и въ моментъ благодатнаго просвѣщенія и лишній разъ доказали своею слѣпотою, что человѣкъ міра не можетъ идти на подвигъ любви, борьбы съ міромъ и страданія. Но, хотя страданіе любви и является основнымъ тономъ пастырскаго настроенія, однако, его нельзя представлять безпросвѣтной скорбью: въ любви и даже страдающей, въ сферѣ ея распространенія, въ ея стремленіяхъ и успѣхахъ лежитъ и источникъ высшей радости. Какой, на примѣръ, и радостной и скорбной вмѣстѣ любовью дышитъ обращеніе ап. Павла къ филиппійцамъ: «Братья мои, возлюбленные и возжелѣнные, радость и вѣнецъ мой, стойте въ Господѣ, возлюбленные» (IV, 1)...—такъ и дышитъ, такъ и чувствуется безграничная любовь апостола; въ ней звучать, перепахиваясь и сливаясь, и глубокое, сердечное страданіе, и тихая, свѣтлая радость,—вѣдь «братья», въ которыхъ онъ жилъ своимъ сердцемъ, не ушли еще отъ зла міра, хотя и твердо шли ко Христу. «Женщина, говоритъ Спаситель, когда рождаетъ, терпитъ скорбь.., но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости» (Іоан., 16, 21); «дѣти мои, восклицаетъ апостоль, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, пока не изобразится въ васъ Христось» (Гал. 4, 19); «для меня, утверждаетъ Іоаннъ нѣтъ большей радости, какъ слышать, что дѣти мои ходятъ въ истинѣ» (III, 4). «Тотъ увлекающій восторгъ, то забвеніе всего, кромѣ богопреданныхъ духовныхъ чадъ, та безконечная нѣжность, тотъ опасливый трепетъ за души (Іоан. IV, 5), та неспособность на мигъ отдѣлиться душой отъ своей таинственной обручницы»,—вотъ характерныя черты пастырской радости. Обобщая теперь сказанное о пастырской совѣсти по существу, мы охарактеризуемъ ее, какъ настроеніе любви, усвояющее себѣ разнообразныя состоянія пасомыхъ, и страдающее и утѣшающееся въ этомъ усвоеніи.

Ясно, что всѣ указанныя черты пастырской совѣсти могутъ имѣть мѣсто и свое значеніе только въ томъ случаѣ, когда пастырь не будетъ и «да» и «нѣтъ», но

когда въ немъ будетъ безповоротное «да» (II Кор. 1, 19); когда онъ будетъ исповѣдникомъ своихъ вѣрованій, человѣкомъ идеи, твердымъ, непоколебимымъ, не знающимъ уступокъ и компромиссовъ, какъ не знаетъ ихъ судящая совѣсть. Въ немъ, въ его исповѣдническомъ духѣ, паства должна видѣть реализацію тѣхъ стремленій къ добру, относительно которыхъ такъ привыкли повторять люди: «суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано»; въ немъ должны находить свое подкрѣпленіе вѣра и надежда жизни. Изъ своего прихода онъ создастъ единый организмъ, питающійся и живущій тою же жизнью, какая переживается пастыремъ; для паствы онъ будетъ олицетвореніемъ судящей совѣсти и критеріемъ правды,— постояннымъ показателемъ несоотвѣтствія того, что есть, съ тѣмъ, что должно быть (въ нравственномъ отношеніи); свѣчей, поставляемой на свѣщницѣ; молчаливымъ судьей и живымъ укоромъ; носителемъ правды—истины, изгнанной изъ большинства жизней; гостемъ нездѣшняго края, какой нуженъ для немощнаго, блуждающаго въ потемкахъ совѣсти, общества. Конечно, такое положеніе пастыря обусловлено указанной нравственной наличностью пастырскаго духа: «пастырь вноситъ столько добра въ жизнь, сколько имѣетъ въ себѣ духовной жизни». Это приводитъ насъ къ послѣдней чертѣ внутренней жизни пастыря,—постоянной работѣ надъ самимъ собою, надъ своимъ нравственнымъ состояніемъ. Если въ свое время лукавый рабъ могъ представить господину зарытый въ землю талантъ, не потерпѣвшій паденія своей цѣнности, то теперь это едва ли возможно даже относительно капитала, который несомнѣнно теряетъ, если остается неподвижнымъ. Нравственная же наличность всегда обнаруживаетъ болѣе яркую тенденцію исчезновенія при неупражненіи. Совѣсть—не мертвый капиталъ, но живая сила, для которой нѣтъ состоянія неупотребленія и неподвижности; ей всегда представляется одна альтернатива—или движеніе впередъ, совершенствованіе, или—назадъ, паденіе. И для пастыря, слѣдовательно, необходимо постоянное напряженіе духовныхъ силъ, неутомимое

бодрствованіе и внутренняя работа въ цѣляхъ движенія впередъ. Въ своихъ посланіяхъ къ Тимофею апостоль Павелъ подчеркиваетъ необходимость аскетическаго направленія личной жизни. «Упражняй себя въ благочестіи, пишеть онъ (I, 4, 7), занимайся чтеніемъ (13), вникай въ себя и въ ученіе, занимайся симъ постоянно, ибо, такъ поступаая, и себя спасешъ, и слушающихъ тебя (16). Напоминаю тебѣ возгрѣвать даръ Божій, данный чрезъ мое рукоположеніе (II, 1, 6). Итакъ, укрѣпляйся, сынъ мой, въ благодати Христомъ Исусомъ» (2, 1). Такимъ образомъ, послѣдними чертами пастырской совѣсти является исповѣдническая твердость и постоянное внутрѣдланіе.

Н. Озерецковскій.

(„Рук. для сельск. паст.“).

ОПЫТЪ ИСТОРИИ

ЗАМОЙСКАГО УНИАТСКАГО ПРОВИНЦІАЛЬНАГО СОБОРА.

(1720 г.).

ГЛАВА V.

(Окончаніе *).

Итакъ, въ поступательномъ движеніи западно-русской униі Замоійскій соборъ повелъ къ самой широкой и открытой латинизаціи униатской церкви. Это было логическимъ развитіемъ той стороны въ дѣятельности Замоійскаго собора, по которой онъ закрѣпилъ многія латинскія отступленія и нововведенія въ униатской церкви. Но, какъ мы выше показали, Замоійскій соборъ имѣлъ и нѣкоторое положительное значеніе, именно, своими административными и дисциплинарно-практическими постановленіями способствовалъ упорядоченію внутреннихъ

*) См. Гродн. Епарх. Вѣд. № 9.

церковныхъ отношеній и устранялъ многія злоупотребленія и нестроенія въ бѣломъ и монашесствующемъ духовенствѣ. Отсюда намъ необходимо показать, какъ раскрывалась въ жизни униатской церкви эта сторона дѣятельности Замоискаго собора.

Все, что было сдѣлано Замоискимъ соборомъ для возстановленія въ униатской церкви упавшей дисциплины и порядка отличалось большою примѣнимостью и соответствіемъ нуждамъ времени и на первыхъ порахъ дѣйствительно внесло нѣкоторое улучшеніе. Признаніе въ этомъ значеніи Замоискаго собора не есть только уступка съ нашей стороны мнѣнію латино-польскихъ писателей, оцѣнивающихъ Замоискій соборъ подѣ угломъ зрѣнія большаго или меньшаго приближенія его къ латинству, а потому и отводящихъ ему первое мѣсто въ ряду церковныхъ реформъ, когда-либо предпринимавшихся въ униатской церкви. Замоискій соборъ и на самомъ дѣлѣ послужилъ основаніемъ для внутренняго устроенія и укрѣпленія униі и, какъ говоритъ Ликовскій далѣ «сильный импульсъ» къ установленію въ ней нѣ котораго единообразія, порядка и дисциплины. По масштабу Замоискаго собора располагались административныя и судебныя отношенія членовъ униатской іерархіи, доселѣ крайне спутанныя и неопредѣленные, устанавливался порядокъ священныхъ рукоположеній и церковныхъ визитацій, совершали соответственныя отправленія различные органы церковной власти, вводился порядокъ при основаніи и благоустройствѣ церквей, въ управленіи сельскими приходами и т. п. Въ указанномъ отношеніи Замоискій соборъ надолго оставилъ слѣды въ униатской церкви.

Сказаннымъ, однако, мы не хотимъ выразить того, будто въ жизни униатской церкви вполнѣ была исчерпана положительная сторона дѣятельности Замоискаго собора, будто со времени его характеръ всего строя униатской церкви радикально измѣнился по сравненію съ предшествовавшимъ состояніемъ и будто не существовало прежняго хаоса, нестроеній и злоупотребленій. Причины того, почему Замоискій соборъ не повліялъ существенно

на улучшение внутренняго состоянія униатской церкви заключаются какъ въ самыхъ постановленіяхъ его, такъ, главнымъ образомъ, въ условіяхъ церковной жизни послѣ Замойскаго собора. Прежде всего, что касается опредѣленій Замойскаго собора относительно возстановленія порядка и дисциплины, то они слишкомъ были пропитаны латинскомъ духомъ для того, чтобы могли встрѣтить сочувствіе и расположить къ исполненію, насколько это было въ его силахъ, бѣлое униатское духовенство, — надо замѣтить; что постановленія Замойскаго собора преимущественно имѣютъ въ виду бѣлое духовенство. Бѣлое духовенство, на обязанности котораго лежало не далѣе трехъ мѣсяцевъ принять и усвоить постановленія Замойскаго собора подъ страхомъ суровыхъ наказаній, не могло безъ протеста признать латинство, скрывавшееся за каждой буквой Замойскаго собора и вытѣснявшее изъ униатской церкви удѣлѣвшіе дорогіе остатки православія. Если что и привилось изъ постановленій Замойскаго собора въ средѣ бѣлаго униатскаго духовенства, то отнюдь не добровольно, а вслѣдствіе принужденія, притомъ самое несущественное, формальное и наиболѣе свободное отъ латинскаго духа. Насколько вообще враждебно относилось бѣлое духовенство къ опредѣленіямъ Замойскаго собора, всюду проникнутымъ духомъ латинства, это можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. По донесеніямъ визитаторовъ, священники отказывались совершать литургію въ день «Божія Тѣла»; одинъ парохъ былъ наказанъ за то, что «запрѣщенныя церемоніи при богослуженіи совершалъ, врата царскія предъ литургіей затворялъ, не на алтарѣ великомъ, а на жертвенникѣ потреблялъ Св. Дары». Парохъ Дзвиняцкій Аѳанасій Романовичъ обвинялся въ томъ, что «позволяетъ бакалярамъ (дьячкамъ) пѣть въ церкви во время раздачи антидора неприличныя пѣсни, не читаетъ и другимъ не позволяетъ читать въ церкви исхождение Св. Духа и отъ Сына «Filioque»⁵⁹⁶).

⁵⁹⁶) „Къ исторіи униі въ Подоліи“. Изъ Под. Епарх. Вѣд. 1889 г. № 20, 21 и 22.

Вторая причина того, почему уніатская церковь не пришла въ полное и точное соотвѣтствіе съ постановленіями Замойскаго собора, заключалась въ самыхъ условіяхъ жизни уніатской. Унія съ первыхъ дней своего существованія была наполнена извнутри борьбою, раздѣленіемъ, партійностью. По мѣрѣ большаго и большаго углубленія въ пространство время эта борьба и раздѣленіе усиливались и къ эпохѣ Замойскаго собора достигли крайней степени остроты и интенсивности. Замойскій соборъ имѣлъ въ виду прекратить хотя отчасти это ненормальное явленіе, но, какъ мы могли видѣть изъ предыдущаго, еще больше прежняго вносилъ смуту въ уніатскую церковь и увеличивалъ бездну между уніатскимъ бѣлымъ духовенствомъ и базилианами. Базилианскій орденъ захватилъ въ свои руки церковные капиталы и фондуши, овладѣлъ соборными кафедрами, присвоилъ себѣ суммы, завѣщанныя на нѣкоторыя епархіальные семинаріи, противодѣйствовалъ учрежденію епархіальныхъ семинарій для духовнаго образованія и устройству консисторій, интриговалъ противъ официаловъ изъ свѣтскаго клира и съ подозрительною злобою относился къ соборнымъ капитуламъ, если гдѣ таковыя уцѣлѣли. До $\frac{1}{2}$ XVIII вѣка базилианскіе удары были еще не такъ часты и сильны, потому, что въ рядахъ базилианъ оставалось сравнительно много людей съ православнымъ направленіемъ. Съ $\frac{1}{2}$ же XVIII вѣка базилианскій орденъ весь наполнился латинополяками, а потому разразился страшнымъ гоненіемъ и преслѣдованіемъ всего того, что стояло на пути къ достиженію имъ своихъ интересовъ. Положеніе уніатскаго священника было ужасное; базилиане «ex professo» держали его въ невѣжествѣ. Мѣры, придуманныя Замойскимъ соборомъ для поднятія образованія въ бѣломъ духовенствѣ, не приводились въ исполненіе (послѣ митр. Кишки ничего не слышно о единственной уніатской Владиміркой семинаріи), да притомъ онѣ были слишкомъ примитивны и ничтожны. Уніатскіе священники остались прежними невѣждами и простецами, которымъ различіе было стоять за плугомъ, чѣмъ у престола Божія.

О матеріальной нищетѣ бѣлаго духовенства нечего и говорить. Даже православнымъ священникамъ жилось лучше, чѣмъ уніатскимъ, какъ объ этомъ можно судить изъ жалобы послѣднихъ, поданной сейму 1766 года ⁵⁹⁷). Загнанное, приниженное уніатское бѣлое духовенство образовало изъ себя какъ бы сословіе рабовъ, которымъ, казалось, не было никакого исхода изъ этого жалкаго мрачнаго состоянія. При такихъ условіяхъ, конечно, ни въ томъ, ни другомъ лагерѣ не могло быть точнаго слѣдованія нормѣ, указанной Замоискимъ соборомъ. Для базилианъ постановленія Замоискаго собора давали слишкомъ мало ихъ алчности, у бѣлаго же духовенства они отнимали и то, что всегда составляло его неотъемлемую принадлежность. Законъ, начертанный въ постановленіяхъ Замоискаго собора, не могъ въ концѣ концовъ явиться съ такимъ значеніемъ ни для кого. Все основывалось на правѣ силы, своекорыстныхъ расчетахъ, благопріятныхъ обстоятельствахъ. Объ уваженіи правъ и обязанностей другихъ не могло быть и рѣчи. Состояніе уніатской церковной жизни было точнымъ воспроизведеніемъ той анархіи, какая царила въ политическомъ и гражданскомъ быту Польши, гдѣ каждый самъ для себя составлялъ законъ и непререкаемый авторитетъ. Аналогія эта можетъ быть примѣнена и въ области собственно церковной дисциплины. На первыхъ порахъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Замоискаго собора, когда всѣ такъ горячо ухватились за предложенное имъ врачевство противъ главныхъ современныхъ недуговъ, дѣйствительно какъ будто поднялась возвысилась, улучшилась дисциплина какъ въ бѣломъ, такъ и монашествующемъ духовенствѣ. Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше забывались наставленія Замоискаго собора, тѣмъ сильнѣе приражался и къ правителямъ и къ подчиненнымъ духъ господствовавшей всюду распушенности, и мы только и встрѣчаемъ картины страшнаго духовнаго разслабленія, лѣности, нерадѣнія, забвенія самыхъ существенныхъ требованій па-

⁵⁹⁷) В. Ю. З. и З. Р. 1862 г., т. I, іюль, стр. 42 и д.

стырскаго долга. Въ базилянскихъ монастыряхъ, сплотившихся съ 1739 года въ одну корпорацію, были хоть попытки выработки правилъ монашескаго житія (*Regulae monasticae*, Гощанскія конституціи и др.). Но что касается блага духовенства, то оно руководилось совершеннымъ произволомъ, при поголовномъ почти невѣжествѣ и грубости, принимавшимъ крайне несоотвѣтствующія духовному сану формы. Рельефнѣ всего этотъ произволь выражался въ области церковно-богослужебной и обрядовой. Въ богослуженіи царили «удивительное разнообразіе и безобразіе, такъ что, повидимому, сколько было головъ, столько и молитвъ, особенно оттого, что неученые, а знающіе только русскій языкъ, также перешедшіе изъ латинскаго обряда, а равно все время проводившіе въ школахъ, по упорству не хотѣли ни научиться, ни соблюдать строго»⁵⁹⁸). Знаніе славянскаго языка, несмотря на изданный митр. Кишкою «Лексиконъ», все болѣе и болѣе падало, такъ что въ концѣ XVIII вѣка даже лучшіе уніатскіе священники едва сколько нибудь плавно читали. Въ крайнемъ случаѣ службы отчитывались про себя. Этимъ приѣмомъ легко маскировались ложь, ошибки, немѣлость. Кругъ церковныхъ службъ былъ совершенно забытъ, перепутанъ. Многочисленныя латинскія новшества, смѣшавшіеся съ прежними уніатскими порядками, образовали страшный хаосъ, предъ которымъ смутились даже прежніе ревнители латинства среди уніатовъ и стали помышлять объ исправленіи всего этого⁵⁹⁹).

Итакъ, исторія не оправдала положительнаго значенія Замоискаго собора. Безспорно, всѣ произведенныя имъ распоряженія о порядкѣ и единообразіи при богослуженіи, о поднятіи дисциплины въ духовенствѣ и т. п. сами по себѣ очень хороши и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ надолго вправили бы внутреннюю жизнь уніатской церкви въ надлежащее русло. Но таковъ ужъ былъ характеръ и самаго Замоискаго собора и всей уніатской

⁵⁹⁸) Труд. Кіев. дух. ак. 1871 г. май, стр. 240.

⁵⁹⁹) Лит. Епарх. Вѣд. 1880 г. № 44, стр. 380.

церкви, что въ ней не могли найти полное примѣненіе и осуществленіе всѣ сдѣланныя Замоискимъ соборомъ благотѣльные распоряженія и реформы. И даже болѣе того: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, благодаря закрѣпленію вѣковой вражды между базилианами и бѣлымъ духовенствомъ, Замоискій соборъ не только не повелъ къ улучшенію въ состояніи церковной жизни, но, наоборотъ, вызвалъ еще худшія явленія и нестроенія, чѣмъ тѣ, какія наблюдались до него.

Чтобы исчерпать вполне вопросъ о Замоискѣмъ соборѣ, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о той роли, какую сыгралъ онъ по отношенію къ православной западно-русской церкви. Отъ взора православныхъ не могло укрыться латинское направленіе Замоискаго собора. Въ уніи Замоискаго собора православный народъ не узнавалъ прежней уніи, а видѣлъ въ ней какую-то новую, съ новыми обрядами, по новымъ книгамъ и при новой одеждѣ духовенства, по образцу польскому, латинскому. Ни для кого не могло уже оставаться тайной, куда клонять ее латино-поляки, а отчасти и сами уніаты, главнымъ образомъ базилиане. Тѣмъ болѣе, какъ бы нарочно для того, чтобы убѣдить православный народъ, что его дѣйствительно тянуть къ польшѣ и латинству, вслѣдъ за уніатами подвигались латинскіе ксендзы, строили костелы... и всякими неправдами увеличивали свои приходы уніатами, обращая ихъ въ латинство. За уніатскими и латинскими священниками подвигались уніатскіе и латинскіе монахи, основывали монастыри, устроили миссіи для поученія народа, который при этомъ терялъ уже всякую возможность различать унію и латинство и могъ понимать между ними развѣ одно различіе, что уніаты и латиняне спорили за власть надъ русскимъ народомъ, желавшимъ быть православнымъ, укоряли другъ друга за совращенія и заводили многочисленныя тяжбы у своихъ ближайшихъ властей у короля и папы» ⁶⁰⁰). Все это, конечно, не

⁶⁰⁰) *Кояловичъ*. Исторія возсоединенія зап.-рус. уніатовъ старыхъ временъ, СПБ. 1873 г., стр. 8—9.

могло не отталкивать православный народъ, дорожившій своею «старожитною религіей» и своею народностью отъ уніи. До Замойскаго собора унія была еще болѣе или менѣе близка западно-русскому народу, потому, что сохраняла все признаки русской, по обрядамъ, народной вѣры. Но теперь, когда въ уніи прямо были закрѣплены многіе латинскіе порядки, вѣрованія и обряды, когда уніатская церковь все больше и больше отдавалась въ порабощеніе латинству и вотъ-вотъ готова была окончательно слиться съ нимъ, утративъ все свои религіозныя и національныя различія, она стала рѣшительно противорѣчащею всемъ основамъ народнаго историческаго существованія и, какъ таковая, могла вызывать и дѣйствительно вызывала одно негодованіе, призрѣніе, возмущеніе. Эти чувства находили откликъ не только у всехъ истинно-православныхъ людей, но даже у самихъ уніатовъ, конечно у тѣхъ изъ нихъ, которые не порвали окончательно своей связи съ православною церковью и по мѣрѣ силъ отстаивали въ уніи народную и религіозную самобытность. Но сказаннымъ исключается, будто православный народъ, проникшій благодаря Замойскому собору, въ тайныя намѣренія уніи, тѣмъ самымъ создалъ въ себѣ такую твердыню вѣры, о которую не могли сокрушиться никакія нападенія враговъ. И послѣ Замойскаго собора видимъ среди православныхъ обращенія въ унію, а иногда даже прямо въ латинство, благодаря стараніямъ разсыпавшихся по всему литовско-русскому краю латинскихъ миссій изъ доминиканцевъ, кармелитовъ и іезуитовъ ⁶⁰¹). Но это было единственно слѣдствіемъ невыносимаго политическаго и церковнаго гнета: «не обрѣтается подъ солнцемъ подобное утѣшеніе, говорилъ епископъ Сильвестръ Бѣлорусскій, каковое отъ вѣковъ древнихъ древняя вѣра греко-россійская въ странахъ Короны Польской и великаго князя Литовскаго давно терпитъ напрасно... день ото дня чрезъ разные вымышленные способы до крайняго приводятъ оскудѣнія и часть остав-

⁶⁰¹) Арх. Ю. З. Рос., т. II, ч., предисловіе, стр. 53.

шуюся цвѣтущаго православія разорить тѣтся»⁶⁰²). Замойскій соборъ и тутъ принесъ свою долю вліянія. На немъ унія была провозглашена единственною законною церковью греческаго обряда въ Литовско-Польскомъ государствѣ и всѣ захваченныя до этого собора уніатами православныя епархіи объявлены добровольно принявшими унію⁶⁰³). Такъ какъ православные упорствовали и ни за кѣмъ не хотѣли признавать права отчислать ихъ въ унію, поэтому для окончательнаго подавленія упорства и подвиглись латино-поляки на жесточайшія преслѣдованія и угнетенія православныхъ.

Обобщая все сказанное въ настоящей главѣ, мы должны признать, что Замойскій соборъ въ концѣ концовъ для самой уніи не принесъ никакихъ выгодъ. Отшатнувъ навсегда православныхъ отъ уніи, въ ней самой усилилъ наиболѣе враждебный элементъ латинства, который, бывъ принятъ подъ защиту базилианами и не будучи въ состояніи окончательно вытѣснить сохранившіеся въ уніатской церкви православныя остатки, произвелъ еще большую спутанность, неопредѣленность и хаотичность, чѣмъ прежде. Правда, какъ мы говорили, Замойскій соборъ сопровождался и нѣкоторыми благотворными результатами, однако ихъ оказывалось слишкомъ недостаточно для того, чтобы искупить всю массу причиненнаго имъ вреда, какава чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше обрушивалась на уніатскую церковь.

⁶⁰²) *Бантышъ-Каменскій*, стр. 173.

⁶⁰³) Въ 1724 году, по просьбѣ уніатскаго митрополита, папа Бенедиктъ XIII издалъ бреве, которымъ, для уничтоженія схизмы, представлялось всѣмъ уніатамъ право пользоваться всѣми имуществами, которыми они пользовались до и во время Замойскаго собора и какія насильно были отняты у православныхъ. Труд. Кіев. дух. акад. 1870 г., августъ, стр. 433.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

АМОЙСКІЙ соборъ, служа въ политическомъ отноше-
неніи выраженіемъ преобладанія польской народ-
ности надъ русскою, представляется намъ какъ
болѣе или менѣе удачная попытка римской куріи привить,
въ каноническомъ порядкѣ, на почвѣ уніи абсолютное
латинство, дабы привести западно-русскихъ уніатовъ въ
полноту вѣры и любви матери всѣхъ церквей — Рима.
Эта попытка могла имѣть и de facto имѣла нѣкоторый
успѣхъ, потому что Замоискій соборъ дѣйствовалъ отъ
имени и какъ бы по желанію главнѣйшихъ представи-
телей уніатской церкви, и, повидимому, только шелъ на
встрѣчу тѣмъ нуждамъ и запросамъ, какіе выдвигала со-
временная жизнь. При такой постановкѣ дѣла искрен-
нимъ уніатамъ нельзя было ожидать отъ Замоискаго
собора дѣйствительной пользы для уніи, поскольку по-
слѣдняя мыслилась какъ самостоятельное религиозное
исповѣданіе. Основываясь на опредѣленіяхъ Замоискаго
собора, регламентированныхъ въ духѣ римской церкви,
ревнители латинства безпощадно стали окатоличивать
уніатскую церковь и тѣмъ самымъ въ корнѣ уничтожали
ея самобытность и независимость. Спустя какихъ-нибудь
три—четыре десятка лѣтъ послѣ Замоискаго собора
уніатская церковь до того уже сжилась, сроднилась съ
римскою, что, казалось, близь тотъ моментъ, когда
обѣ онѣ сольются въ одномъ потокѣ католической жизни
и вѣры. Но часъ этотъ не пришелъ, и римская церковь
никогда уже и не дождалась его. Уніаты, какъ бы про-
будившись отъ вѣкового усыпленія, сознали всю нелѣ-
пость, фальшь и неискренность того религиознаго ком-
промисса, который лежалъ въ самомъ существѣ уніи.
Вмѣстѣ съ тѣмъ открылись и политическія ея слѣдствія:
перерожденія русскаго въ поляка, благодаря уніи, под-
винулись настолько, что въ частномъ и общественномъ
быту уніатовъ оставалось очень немного, напоминавшихъ
объ ихъ русскомъ происхожденіи. Подъ вліяніемъ всего
этого и развивается въ уніатской церкви, никогда не

замиравшее въ ней окончательно, движеніе въ пользу возвращенія къ православію—основѣ всего историческаго существованія русской народности. При наступившихъ вскорѣ благоприятныхъ для униатовъ, но гибельныхъ для Польши, политическихъ обстоятельствахъ, положившихъ конецъ ея самостоятельной политической жизни, указанное движеніе разрѣшается безпримѣрнымъ въ исторіи явленіемъ—возсоединеніемъ въ концѣ XVIII вѣка трехъ милліоновъ униатовъ съ православною церковію, повторившимся дважды и въ только что минувшемъ столѣтіи.

С. К. Павловичъ.

с. Теребунь, Брестскаго уѣзда.

СѢ глубокимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ былъ выслушанъ Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Японіей крестьянами Теребуньскаго православнаго прихода. Церковь была переполнена народомъ, нѣкоторые во время чтенія манифеста стояли на колѣнахъ, жены плакали о своихъ мужьяхъ-солдатахъ, ушедшихъ на войну, матери о сыновьяхъ. По прочтеніи манифеста священникъ Сергій Страховичъ, обратился къ народу съ рѣчью, въ которой выяснилъ, въ чемъ должна состоять священная обязанность каждаго изъ насъ въ столь тревожное время, переживаемое нашимъ отечествомъ. Торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ было заключеніемъ рѣчи. Чувствовалось, что всѣ глубоко молитвенно настроены и усердно молились о дарованіи побѣды надъ врагами нашему воинству и въ засвидѣтельствованіе своихъ высокихъ чувствъ всѣ отвѣтили и словомъ и дѣломъ на призывъ своего пастыря къ пожертвованіямъ на раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ и въ самое непродолжительное время былъ сдѣланъ значительный денежный сборъ и въ квартиру священника представлено бѣлья 9 пуд. Какъ то, такъ и другое отправлено въ главное управленіе «Краснаго Креста».

С. С.

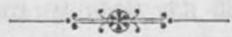
О В Ъ Я В Л Е Н І Е .

Въ канцеляріи Преосвященнаго Никанора, Епископа Гродненскаго и Брестскаго, можно получать его книги:

	Ц Ъ Н А :
Церковныя чтенія	1 р. 50 к.
Изображеніе Мессіи въ Псалтири	1 р. 50 к.
Слова и рѣчи	2 р. — к.
Объясненіе 14 посланій Ап. Павла	5 р. — к.

Пріобрѣтающимъ книгъ на 10 руб. пересылка бесплатная, на 25 р. уступки 10%, на 50 р. - 20%.

Книги эти можно пріобрѣтать и въ складѣ Гродненскаго Софійскаго Братства.

Содержаніе № 10.

Отдѣлъ I. Высочайшія награды.—Дѣйствія Правительства.—Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.—Вакантныя мѣста.

Отдѣлъ II. Хроника.—Обозрѣніе церкви Преосвященному Никаноромъ въ февралѣ сего года.—О пастырской совѣсти.—Опытъ исторіи Замойскаго униатскаго провинціального собора (окончаніе).—Изъ с. Тербунь, Брестскаго у.—Объявленіе.

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей Николай Диковскій.

Печатать разрѣшается. г. Гродна, 6 марта 1904 г.
И. д. Цензора, Свящ. *Петръ Дедевичъ.*

Гродн. Губ. Тип.